standards. “Children’s Radio” is doing imitations of the old transfer of, giving them the same names. For example, “In the country of literary heroes” of the late 20th century, much better than the same transfer of the early 21st century. The author believes that to make radio work better and create quality content only at the legislative level. State and public organizations should control the development and education of future citizens.

Keywords: *radio genre; children’s radio; Internet radio; broadcastand content.*

References

1. Annenkova, L. N. (1986) “*Rasskazy o geroyakh*” [=Stories about heroes],Moscow, Iskusstvo, 127 pp.(in Russ.)
2. Vasil‘ev, S. S. (2012) Vliyaniesovremennykhelektronnykh SMI napodsoznanie[„The influence of modern electronic media subliminal“], in: ИСОМ [=ISOM], №3.,176-183 pp.(in Russ.)
3. Kalmykov, A. A. and Kokhanova, L. A. (2005)*“Internet-zhurnalistika“*[=Internet journalism], Moscow,YuNITI-DANA, 383 pp.(in Russ.)
4. Kulakova, N. L. (2012) „Tsennostnyeorientirydetskoypressy v usloviyakhdiktatareklamodatele y”[=Value orientations in terms of children‘s media dictate advertisers], in: *Tsennostisovremennogoo bshchestva i sredstvmassovoyinformatsii* [Values of modern society and the media], Moscow, MGU, 360-361 pp.(in Russ.)
5. Lazutkina, E. V. (2011) *„Problemno-ob”ektnyykompleksregulirovaniyanovostnoyinformatsii v blogosfereRuneta”* [=Problem-object complex regulation of news in the blogosphere Russian Internet], Astrakhan’, Volga, 163 pp.(in Russ.)
6. Lebedeva, T. V. (2012) *„Zhanryradiozhurnalistiki”* [=Genres broadcast journalism], Moscow, Aspekt Press, 224 pp.(in Russ.)
7. Lebedeva, T. V. (1981) „Formydetskikhradioperedach i metodyrabotynadnimi”. [Forms of child radio programs and methods work on them], in: *Voprosyteorii i praktiki*[=Theory and Practice], Sverdlovsk, Ural’skiygos. un-t,p.93-99.(in Russ.)
8. Men’shikova, A. A. (1966)*“Radio – detyam”* [=Radio - for children], – Moscow, NMO GKRT, 99pp.(in Russ.)
9. Muzyrya, A. A. (1989) *“Iskusstvoslyshat’ mir”* [=Arts to hear the world],Moscow, ,Iskusstvo, 124-125 pp.(in Russ.)
10. Smirnov, V. V. (2002)*“Zhanryradiozhurnalistiki”* [=Genres broadcast journalism],Moscow, Aspekt-press, 288 pp.(in Russ.)

Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360).
Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 267–272.

УДК 398(47), ББК Ш(2)

Т. В. Савельева

ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

На материале полевых и интернет-исследований статья рассматривает вопрос о жанровых трансформациях современной устной мифологической прозы Южного Урала. Выявлены новые локальные мифологические персонажи, прослежены изменения функций традиционных представителей народной демонологии. Отмечены изменения в структуре и прагматике устных мифологических рассказов в новой технологической среде и информационном пространстве.

Ключевые слова: *устная мифологическая проза; фольклор; Интернет; мифологический персонаж; быличка.*

Устная народная несказочная проза привлекла внимание ученых позднее других жанров фольклора. Как следствие жанровая система ее была недостаточно разработана к тому времени, когда она начала трансформироваться под влиянием социально-культурных изменений, распространения массовой культуры, телевидения и Интернета. Это отражено, прежде всего, в множественности обозначений одного и того же явления: устная мифологическая проза, фольклорно-мифологические рассказы, устные народные рассказы, народная мифологическая проза. Нет устоявшейся, принятой всем научным сообществом, классификации жанров. Как в научной литературе, так и в сборниках публикуемых полевых материалов зачастую размыты различия между преданиями и легендами, быличками и бывальщинами, мифологическими рассказами, слухами и толками.

Одно из направлений в отечественной фольклористике конца XX века – составление указателей сюжетов и фольклорных мотивов устной мифологической прозы (далее – УМП). Здесь необходимо отметить труды М. Власовой [6], Н. Гордеевой [9], Н. Криничной [9], С. Айвазян [3], Е. Левкиевской [11]. Кроме типологии персонажей внимание ученых привлекает также фигура информанта. Этому вопросу посвящены исследования А. Евсеевой «Верю/не верю: портрет информанта» В. Черваневой «Человек естественный и сверхъестественный (по данным языка мифологической прозы)» [13].

Другое направление изучения УМП современной наукой – трансформация жанров, изменения, происходящие в композиционно-образной структуре, функциях и атрибутах мифологических персонажей, протекающие под влиянием НТП, появления новых средств коммуникации, развития масс-медиа и других социокультурных изменений в обществе. В современной фольклорной системе «наблюдаются трансформационные процессы, связанные со структурно-семантическими изменениями исходных народных текстов» [12].

Делая обзор научной конференции 2011 года «Фольклор XXI века», Д. В. Громов и М. Д. Алексеевский отмечают, что вопреки ожиданиям на конференции практически не были представлены доклады, посвященные современной демонологии. Одно из немногих исследований – доклад Н. Петрова. «На материале из архива экспедиций лаборатории фольклористики РГГУ в Архангельскую область автор рассмотрел нарративы, которые по целому ряду параметров близки традиционным быличкам, однако посвящены героям новейшей мифологии (снежному человеку, космонавтам, инопланетянам)» [4]. По аналогии с бытовавшими в послереволюционное время «новинами», которые должны были сменить былины, Н. Петров предложил назвать новые нарративы «новичками».

Правомерно ли говорить о возникновении жанровой разновидности в связи с появлением нового мифологического героя или только о жанровой трансформации? Насколько появление нового типа персонажа в традиционных жанрах УМП изменяет прагматику и поэтику нарративов? Насколько интернет-пространство, на чатах и форумах которого, в основном, распространяются сегодня нарративы УМП, влияет на структуру и семантику народных рассказов, трансформацию жанров и жанровых разновидностей? Эти вопросы остаются актуальными и дискуссионными.

Цель нашего исследования: попытка ответить на данные вопросы, рассмотрев изменения в бытующей сегодня на Южном Урале УМП. Частично работа опирается на материалы, собранные в группах сайта ВКонтакте, чатах, форумах, проводились интернет-опросы. Бытование в Интернете – отличительная черта современного фольклора. В научный дискурс вошло название «устно-письменные тексты», так как, несмотря на письменную форму бытования, они обладают присущими устной речи спонтанностью, вариативностью, анонимностью, интерактивностью.

В информационном пространстве Сети (даже на локальном уровне) можно набрать достаточный для рассмотрения объем текстов, однако получить, на наш взгляд, объективные выводы только на основе корпуса текстов, скачанных из Интернета, невозможно. Материалом для работы, помимо интернет-контента, послужили данные, собранные во время полевых исследований, фольклорных практик студентов-филологов Миасского филиала Челябинского государственного университета в 2009–2013 годах. Это былички, устные мифологические рассказы, суеверные мемораты, слухи и толки, рекламные объявления целителей и колдунов (всего собрано 86 текстов). Исследование является локальным, все полевые материалы записаны в Челябинской области (города: Миасс, Златоуст, Чебаркуль, Кыштым; села: Кундравы, Александровка,

Кондуровка, Измайловский, Черновское). Среди информантов присутствуют люди разного возраста (студенты, рабочая молодежь, люди средних лет, пенсионеры, учащиеся средних школ) и образования (как гуманитарного, так и технического). Знакомство информантов с УМП происходит сегодня как традиционным способом (устное бытование, передача от поколения к поколению), так и способом, характерным для информационного общества (чаты, форумы, группы в Интернете, специфика бытования текстов в них весьма схожа с фольклорной, на что не раз обращали внимание современные фольклористы).

Актуализация УМП на Южном Урале наблюдается после падения Чебаркульского метеорита в марте 2013 года. По мнению И. В. Голованова, «обращение к мифо-фольклорным мотивам объясняется тягой сознания современного человека к непознанному. Именно они позволяют удовлетворить интерес к необычному, снять страхи, которые охватывают современного жителя городов и мегаполисов» [7]. Об обращении к архетипам традиционной мифологии, правда, применительно к психологии современного человека, писал еще К. Юнг. Он отмечает этиологический аспект мифологии, называя его «своего рода погружением в себя, ведущим к живому зародышу нашей цельности» [14. С. 25]

Анализируя устные мифологические рассказы о «нехороших местах», можно отметить, что в местной традиции они располагаются не в подвалах и на чердаках домов (как в крупных городах, где проявляется оппозиция «верх – низ»), не в подземельях и башнях, а на городской периферии. Для горнозаводской зоны Южного Урала – это озера, горные хребты, бывшие рудники и разработки. Например, можно перечислить следующие локусы: «странные» дыры в земле на территории Государственного Ильменского заповедника (к юго-востоку от Миасса); аномальные круги в п. Еловом, на которых никогда не лежит снег – сразу тает; заброшенные разработки полезных ископаемых.

Необходимо отметить, что сюжетные нарративы сегодня часто уступают место слухам и толкам, гораздо более коротким, «назывным» по своей сути. Это происходит, на наш взгляд, не только в связи с отношением информанта к рассказываемому, но и в связи с распространением новых коммуникаций, появлением так называемого «СМС-очного мышления» современного поколения, когда связный рассказ о чем бы то ни было становится затруднительным. Больше всего записанных слухов связано с Уральским горным хребтом. В них тема подземелий, традиционная для городских легенд, трансформируется в тему подземных выработок, рудников, тоннелей и т. д. Среди записанных слухов и толков можно выделить несколько вариантов таинственных событий, происходящих внутри хребта:

1) заключенные перевозят радиоактивные отходы, которые сбрасывают в Северный ледовитый океан (Михаил, 62 года) [АА];

2) вагонами перевозят золото в хранилище (Ирина Р., 28 лет, 2012) [АА];

3) ходит поезд с полезными ископаемыми (Евгений З., 25 лет; Ирина Р., 28 лет, 2013) [АА];

4) переправляют ракеты (Данила Т., 21 год; Ирины Р., 28 лет, 2013) [АА].

5) внутри находится коммуникационная сеть, соединяющая Москву с Уралом на случай войны (Василий, 37 лет, 2014)

Представление о горном хребте как о границе между своим и чужим пространством традиционен для фольклора народов, живущих в горной местности.

Быличка в XXI веке по-прежнему остается живым и продуктивным образованием. Этот жанр известен во всех группах информантов, независимо от профессиональных, социальных, конфессиональных и половозрастных различий. Анализ собранного корпуса текстов позволяет сделать следующие выводы.

1) Происходит забвение некоторых мифологических персонажей, уходят в пассивный запас банник, леший, водяной, кикимора. Вера в лешего как в сверхъестественную силу, хозяина леса, который может «водить человека по тайге неделями, не давая найти дорогу» (Михаил, 68 лет, охотник, собиратель кедрача, 2010) остается актуальной, однако персонификация уже стерта, и нарративов, фиксирующих встречу человека с лешим, не наблюдается.

В домового по-прежнему верит большой процент информантов. Однако сюжетных нарративов, связанных с данным мифологическим персонажем, стало намного меньше, бытующих в форме мемората нами не обнаружено, только в форме фабулата. Сегодня, как правило, представители ирреального мира современного города, кем бы они ни были – душами умерших, домовыми, космическими пришельцами или зелеными человечками, на-

строены к людям крайне недоброжелательно. Это не соответствует традициям классического фольклора, где персонажи УМП амбивалентны (вредитель/даритель).

2) Происходит переосмысление многих характеристик традиционных мифологических персонажей, возникают новые (или воспринимаются информантами как новые) функции и описания персонажа, «инициированные зачастую средствами массовой информации и расширением коммуникаций» [5]. Персонаж, наиболее подвергшийся изменениям благодаря СМИ и массовой культуре, – это колдун. В традиционном фольклоре большинство колдунов относятся к категории людей, само присутствие которых, не говоря уже о взгляде или слове, является негативным для окружающих. Архаические представления об особенностях характера колдуна: злой, тяжелый в общении, злопамятный, хитрый, завистливый, необщительный, нелюдимый, мстительный. Распространенный мотив традиционных быличек – «колдун морочит голову», «проклятье колдуна», «месть колдуна» [11].

Сегодня представление о колдуне как о носителе зла размываются. Интернет-пространство и печатные СМИ заполонены рекламными объявлениями шаманов, колдунов, Мастеров Света, магистров алхимических наук и пр. Они готовы приворожить жениха, удачу, деньги, новую машину. За 2011 год В «Миасском рабочем» опубликовано 38 подобных объявлений.

Среди новых персонажей УМП встречаются как типологически традиционные, так и отражающие новые реалии современной жизни. К первым можно отнести, например, Белого деда, который путает «черных» золотоискателей в Ильменском заповеднике, дух Пугачева, что охраняет свой клад на озере Инышка с двойным дном. Тема спрятанных сокровищ в современной мифологии остается популярной и актуальной, что подтверждают не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Так, болгарский ученый Н. Ненов отмечает равноправность чисто фольклорных и исторических, фольклоризированных, персонажей в мифологических рассказах о кладах [1].

Популярный локализованный персонаж современной УМП — Киалимская бабушка (Таганайская). Былички и слухи о ней берут начало в 1980-х годах. Кто-то видит ее в летней одежде, кто-то в зимней, но обязательно босой. Это единственный из сегодняшних мифологических персонажей Южного Урала, в ком сохранилась традиционная амбивалентность: она может выполнять функцию как антагониста, так и помощника: *«Тут туристов всегда Киалимской бабкой пугают, так вы не бойтесь ее. Она хорошим людям зла не делает. А если ей рубль дать, то еще и поможет, знак какой подаст, если заблудитесь, или о погоде плохой предупредит»* (Олег О., 48 лет, 2013) [АА][1].

Ко второй группе относится гуманоид Лешенька из Кыштыма, персонаж многих местных быличек, слухов и толков[2]. Девять наших информантов утверждают, что история с Лешенькой является чистой правдой, которая подтверждена независимыми учеными. Трое из них лично были знакомы с Т. Просвириной, нашедшей «инопланетянина».

«Она и раньше-то была не совсем, а после встречи с Алешенькой заговариваться стала, ее и забрали в психиатричку, а может, специально забрали, потому что лишнее что-нибудь узнала. У нас ведь так, лишнего знать никому не положено» (Михаил И., 62 года, 2013) [АА].

«Зря говорить не хочется, но уж очень странно она умерла, после того, как ее Лешеньку забрали. Ее ведь две машины сразу сбили, с двух сторон. А теперь поди сыщи концы какие-нибудь, нету тела, нету Тамарки, которая его нашла» (Ирина З., 69 лет, 2013) [АА].

3) УМП современности в основном интернациональна по своему характеру: инопланетяне, Белый дед, Белая женщина не имеют национальных признаков и особенностей.

4) Вербальная характеристика мифологических персонажей сегодня все более дополняется визуальной (экранные образы вампиров, например, давно подменили собой описание упырей в традиционной славянской мифологической прозе). В современной культуре визуальное начало, а еще более – экранное, занимает едва ли не доминирующее положение. С этой точки зрения интересно исследование Абашева актуализации творчества П. Бажова через обновление визуальной репрезентации его персонажей на примере мифологических мотивов в романе О. Славниковой «2017» [2]. Автор отмечает, что визуальное представление о мифологических героях тоже переживает влияние новых технологий – мультипликационной, компьютерной графики и т. п.

Изменение фольклорных текстов выходит за рамки традиции, что объясняется приходом других традиций, в частности транслируемых экранной массовой культурой. В силу того, что новые знания о сверхъестественном налагают-

ся на прошлые верования, происходит ассимиляция традиционного и современного мышления. В народном сознании сосуществуют научное и мифологическое. Однако при всех изменениях в структуре текста, типологии персонажей, образности, говорить на наш взгляд, следует не о появлении новых жанровых разновидностей, а лишь о жанровой трансформации в УМП. Несмотря на тягу к мистическому, наблюдаемую у современного жителя мегаполиса его мифологические рассказы строятся на основе традиционной жанровой системы УМП русского фольклора.

Примечания

[1] Подробнее об этом персонаже – в нашей работе: Устная мифологическая проза городов Южного Урала // Традиционная культура. 2014. № 1.

[2] Там же.

Список литературы

1. Nenov, N. Фолклорни разкази за съкровища [Электронный ресурс] / N. Nenov // Yearbookof “Ongal” Associationfor Anthropology, Ethnologyand Folklore Studies. 2013. № 11. URL: http://www.ceeol.com/aspx/issuedetails.aspx?issueid
2. Абашев, В. В. Интермедиальные трансформации горной мифологии П. П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017» [Электронный ресурс] / В. В. Абашев. URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2014/abashev.pdf
3. Айвазян, С. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / С. Айвазян // Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. М., 1975. С. 162–182.
4. Алексеевский, Д. М. Фольклор XXI века: Герои нашего времени / Д. М. Алексеевский, Д. В. Громов // Антропологический форум. 2013. № 16. С. 325.
5. Байдуж, М. И. Традиционные представления о домовом у коми Юга Западной Сибири / М. И. Байдуж, Н. А. Лискевич, А. Х. Машарипова // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 148.
6. Власова, М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий / М. Власова. СПб., 1995. 383 с.
7. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала : автореф. дис. … д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / И. А. Голованов. URL: http://www.dissercat.com/content/konstanty-folklornogo-soznaniya-v-ustnoi-narodnoi-proze-urala#ixzz2pBP6LsCN.
8. Гордеева, Н. А.Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978/1984) / Н. А. Гордеева. Индрик, 2000. 432 с.
9. Криничная, Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора / Н. А. Криничная. М., 2004. 1008 с.
10. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. М., 2000, 528 с.
11. Мазалова, Н. Е. Злой колдун: особенности мифологизированной личности [Электронный ресурс] / Н. Е. Мазалова. URL: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/istoriya/mazalova.pdf.
12. Рубцова, Л. В. Особенности регионального бытования устной несказочной прозы [Электронный ресурс] / Л. В. Рубцова. URL: http://www.kazedu.kz/referat/91582.
13. Черванева, В. Человек естественный и сверхъестественный (по данным языка мифологической прозы) [Электронный ресурс] / В. Черванева. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/05/.
14. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. 1961. 1420 с. [Электронный ресурс] / К. Г. Юнг. URL: http://knigger.org/jung/dusha-i-mif-shest-arkhetipov/#/page/20.

Савельева Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета.

tatvs@74.ru

GENRE TRANSFORMATION IN MODERN ORAL MYTHOLOGICAL PROSE

The article considers a question of changes in modern folklore of mythological characters. Research was conducted on in South Ural. In work materials of folklore expeditions and Internet polls are used. The author notes appearance of new mythological characters them it is possible to divide into groups: 1) the traditional, protecting treasures, 2) the reflecting new realities, for example, aliens. Folklore the text

come under influence of screen culture, mass media, the Internet. They become shorter. Functions and shape of traditional characters also change. Sorcerers confirm the magic with the diploma of academy. In national consciousness of the XXI century the scientific and mythological knowledge coexists.

Keywords: *oral mythological fiction; folklore; Internet; mythological character; belicka.*

References

1. Nenov, N. (2013) "Folklorni razkazi za sokrovishha" [=Folklore stories about treasures], in: *Yearbook of "Ongal" Associationfor Anthropology, Ethnologyand Folklore Studies* [=Yearbook of "Ongal" Asso ciation for Anthropology, Ethnology and Folklore Studies).]. N 11. availabie at: http://www.ceeol.com/aspx/issuedetails.aspx?issueid, accessed 12.01.2015 (in Russ.).

2. Abashev V. V. *Intermedial'nye transformacii gornoj mifologii P. P. Bazhova v romane Ol'gi Slavnikovoj «2017»* [=Intermedialny transformations of mountain mythology of P. P. Bazhov in Olga Slavnikova's novel "2017"], availabie at: http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2014/abashev.pdf, accessed 12.01.2015 (in Russ.).

3. Ajvazjan, S. (1975) (pri uchastii O. Jakimovoj). "Ukazatel' sjuzhetov russkih bylichek i byval'shhin o mifologicheskih personazhah" [=The index of plots of Russians bylichek and byval'shhin about mythological characters], in: Je. V. Pomeranceva. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore* [=Mythological characters in the Russian folklore]. Moscow, 162–182 p. (in Russ.).

4. Alekseevskij D. M. and Gromov, D. V. (2013) "Fol'klor XXI veka: Geroi nashego vremeni" [=Folklore of the XXI century: heroes of our time], in: *Antropologicheskij forum* [=Anthropological forum], 2013. – N 16. – P. 325 (in Russ.).

5. Bajduzh, M. I., Liskevich N. A. and Masharipova A. H. (2013) "Tradicionnye predstavlenija o domovom u komi Juga Zapadnoj Sibiri" [=Traditional ideas of the brownie at a nationality of the Komi of the South of Western Siberia], in: *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [=Bulletin of archeology, anthropology and ethnography] N 3 (22). p. 148 (in Russ.).

6. Vlasova, M. (1995) *Novaja ABEVEGA russkih sueverij* [=New alphabet of the Russian superstitions]. SPb., 383 p. (in Russ.).

7. Golovanov, I. A. (2009) *Konstanty fol'klornogo soznanija v ustnoj narodnoj proze Urala* [=Constants of Folklore consciousness in oral national prose of the Urals] avtoreferat diss. … doktora filologicheskih nauk, availabie at: http://www.dissercat.com/content/konstanty-folklornogo-soznaniya-v-ustnoi-narodnoi-proze-urala#ixzz2pBP6LsCN, accessed 12.01.2015 (in Russ.).

8. Gordeeva, N. A. (2000) *Ukazatel' sjuzhetov bylichek i byval'shhin Omskoj oblasti (1978/1984)* [=The index of plots bylichek and byval'shhin in the Omsk region (1978-1984)]. -Indrik, 432 p. (in Russ.).

9. Krinichnaja, N. A. (2004) *Russkaja mifologija: Mir obrazov fol'klora* [=Russian mythology: world of characters of folklore]. Moscow, 1008 p. (in Russ.).

10. Levkievskaja, E. E. (2000) *Mify russkogo naroda* [=Myths of the Russian people]. Moscow, 528 p. (in Russ.).

11. Mazalova, N. E *Zloj koldun: osobennosti mifologizirovannoj lichnosti* [=Angry sorcerer: features of the mythologized personality], availabie at: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/istoriya/mazalova. pdf, accessed 12.01.2015 (in Russ.).

12. Rubcova, L. V. *Osobennosti regional'nogo bytovanija ustnoj neskazochnoj prozy* [=Features of a regional existing of oral not fantastic prose], availabie at: http://www.kazedu.kz/referat/91582 , accessed 12.01.2015 (in Russ.).

13. Chervaneva, V. *Chelovek estestvennyj i sverhestestvennyj (po dannym jazyka mifologicheskoj prozy)* [=The person natural and irreal (according to language of mythological prose)], availabie at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/05, accessed 12.01.2015 (in Russ.).

14. Jung, C. G. (1961) Dusha i mif. Shest' arhetipov [=Soul and myth. Six archetypes], availabie at: http://knigger.org/jung/dusha-i-mif-shest-arkhetipov/#/page/20 , accessed 12.02.2015 (in Russ.).